

**ВАЛЕРИЙ
МАКАРОВ**

НАД ВЕЧНЫМ

Валерий Макаров

Над вечным

«Летний сад»

2017

УДК 821.161.11
ББК 84(2Рос=Рус)644

Макаров В. В.

Над вечным / В. В. Макаров — «Летний сад», 2017

ISBN 978-5-98856-298-6

Валерий Макаров (р.1955), член Союза писателей России и Международной писательской организации, закончил Рязанский пединститут и Высшие литературные курсы при Литературном институте. Публиковаться начал в 1979 году. С начала 1990-х его произведения неоднократно появлялись на страницах журналов «Наука и религия», «Смена», «Золотой век», «Согласие» и другие. Валерий Макаров сотрудничал с журналом «Литературная учёба» и с издательством «Терра» («Книговек»), где писал внутриредакционные рецензии и занимался составлением однотомников серии «Поэты в стихах и прозе» и написанием к ним художественно-критических предисловий. В 1994 и в 1997 годах выходила его повесть «Сказочные приключения Полины и её друзей» (издательства «Интерфейс» и «РИПОЛ Классик»). Сейчас сказка известна в Интернете и успешно продаётся. Выложена и её аудио-версия, читает сказку сам автор. В издательстве «Аграф» при участии Валерия Макарова вышла «Энциклопедия литературного героя» (1997 год). Отдельными изданиями выходили книги: «Стихотворения/ Проза» («Филология», 1998), «Простор земных поклонов» («Летний сад, 2005), «Новинское» («Книговек», 2011-2012). В. Макаров записал несколько музыкальных альбомов под общим названием «Песни временных лет» (ГЛМ, 1998 г. и МҮМ Рекордс, 2010). В этой книге представлены стихотворения с 1983 по 2017 год.

УДК 821.161.11
ББК 84(2Рос=Рус)644

ISBN 978-5-98856-298-6

© Макаров В. В., 2017

© Летний сад, 2017

Содержание

Плѣс северного сиянья	8
Сага побега	8
«О, с этими цветами полевыми...»	9
«Гроза надломленной сиренью...»	10
Первый снег	11
«Так что же значишь ты, полночный соловей...»	12
«Здесь движется весна...»	13
«Так ясно в небесах...»	14
Осень Веласкеса	15
Кошки (Зимний вальс)	16
У Синего Моста	18
«Он, слава Богу, снова на плаву...»	19
«Смерть не заходит в гости...»	20
«Под гроздьями грозы, как будто сполупьяна...»	21
Звезда Хлебного Дома	22
«Богатый не влезет сквозь ухо верблюда...»	24
Деревня	25
«Мы с тобой полетим высоко...»	26
«Ругали королей, смеялись над попами...»	27
«Аргонавты! Куда поплывѣм...»	28
«Боль – порожденье зла...»	29
Письмо в Рязань Петру Иванову, поэту	30
«Как полон светом окоём окна...»	31
Юность	32
Новинское	33
«Мы идѣм за облаками...»	34
«Пройдут и эти дни...»	35
«Я войду в ладью, отправлюсь в море...»	36
«Я вспомнил, наконец, о лете...»	37
«Я первый между всеми...»	38
Посвящение	39
Точка росы	40
«Смотри, как бѣется море в пене...»	40
«И всё-таки море, и белый кораблик...»	41
Баллада о моём художнике	42
Гимн Новороссии	44
«Плач стихнул, открычался...»	45
«Вот кульбит, от которого...»	46
«Как бы ни украсить скромно...»	47
«Обойтись бы...»	48
«Вот лепестки цветка...»	50
Портрет Нарышкиной	51
Крым	52
«Эх, ватник-телогреечка...»	53
В гостях у мотылька	54
На Соловках	54

«Да, юность – лучший друг...»	55
Сказ о Соловецком мореходе Александре Максимове	57
«Над больницей, над тёмным острогом...»	59
На смерть отца	60
«Я испытал удары по лицу...»	61
«Как море – переменчива...»	62
«Своей беды виновник...»	63
После солнца	66
«Ты приснилась мне в жаркой истоме...»	66
«Где, – то бегом, то шагом...»	67
Соловецкое море	68
Соловецкий блокнот № 3	69
«Мне не нужны кабацкие стаканы...»	70
«Промелькнуло, прогремело...»	71
«Кажется, зимняя ночь хороша...»	72
«В городе каждом, даже в селе...»	73
«А дождь всё ищет ключик...»	74
Интермеццо прелюдий	75
«Приди ко мне, когда я буду...»	75
«Под снегопад...»	76
«На стол, забывшись в разговоре...»	77
«Ложатся годы паутиной...»	78
Классические строфы	79
Стансы на стене	81
Гоминарий	82
Над вечным	83
«По вине человека – море преступно...»	85
«Они ещё танцуют...»	86
«Он здесь не приживётся...»	87
«На срезах книги годовые кольца...»	88
«Прислушиваюсь к снегу: он уходит...»	89
«Ты сгораешь сердечком, свеча...»	90
«До винограда дотянусь...»	91
Обращённая юность	92
«Обращающийся, как пламя...»	92
После солнца	93
«Над совсем баснословной деревней...»	94
«Сравню тебя с вишнёвым деревом...»	95
«Руки в закате совсем багровы...»	96
Серёжка	97
Портреты с выставки	98
Доброе напутствие	98
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Валерий Викторович Макаров

Над вечным

© Макаров Валерий Викторович, 2017

© Летний сад, оформление, 2017

Плѣс северного сиянья

Сага побега

Мудрость не ищет ни старых,
Ни новых дорог.
Мудрости нам не хватает,
А поиск пути лишь предлог —
Уйти, закружиться
Поглубже в снегу, на ветру.
Ты жизнью играешь?
Ну что ж,
Продолжаем игру!

И всё же я верю,
В том правда какая-то есть,
Что мы не хотим сорняками
Цепляться, царапать и лезть,
Когда даже лучшие люди
До времени до поры
Предпочитают Владимирку
И темя Голгофы-горы.

За всех перед всеми
Хотел бы ответить я сам,
Бичами гоните меня
По сгоревшим лесам.
И если из пепла снегов
Подниму я зелёным побег, —
Значит, вечного в нас
Ни пламя не выжжет, ни снег.

1987

«О, с этими цветами полевыми...»

О, с этими цветами полевыми
Настолько я сроднился, как с тобой.
Вот подступает волнами живыми
Их медленно колеблемый прибой.

Ни буйством красок, пестротой названий,
Не увлекут души в нездешний сон.
А между тем, без тихих их признаний
Так не звучал бы солнцем небосклон.

Так не клубилась бы гроза покровом синим,
Когда б не стыли васильки среди полей
От красоты небес дориносимой,
А пуше от сознания своей.

Земля была бы хуже замарашки,
Грубее домотканого холста,
Когда б, как снегом, ворохом ромашки
Весна не обожгла её уста.

Вдруг вспыхнула... Да нет, не рассмеётся!
Но я твоё волнение пойму.
Ведь полевой цветок едва качнётся,
А бурю дарит сердцу моему.

2007

«Гроза надломленной сиренью...»

Гроза надломленной сиренью
Распахивает небеса,
Уже готовые к прочтенью
И зазвучать на голоса.

Я счастлив этой вспышкой краткой,
Что на страницах бытия
Не отцветающей закладкой
Заложена душа моя.

Среди минутных озарений
Тем легче нам читать с листа,
Как этой молнией сирени
Вдруг загоралась береста.

2011

Первый снег

Я брошусь вдоль реки и буду продолжаться,
И будут берега меня сопровождать.
И будут, как в реке, во мне преобразаться
Берёзы в золото и в облака опять.

Пусть солнце щурится с прохладцею во взгляде,
Я для того любил негромкость этих вод,
Чтоб в безымянной находить отраде
То, чем душа несуетно живёт.

Среди людей я прикоснулся к смерти.
Под движущимся небом средь полей
Всё безобразье ножевых моих отметин
Мне осень вызведит алхимией своей.

Без сожалений, но и без проклятий
Я, весь серебряный, здесь буду втопан в грязь.
С одним лишь небом я искал объятий
И, наконец, душа с ним обнялась.

Я наравне теперь со всею этой ширью,
Со всею этой высью наравне,
И равноденствием взываю к перемирию
Грозу на небе и росу в стерне.

2011

«Так что же значишь ты, полночный соловей...»

Так что же значишь ты, полночный соловей?
Какой бессмертный рай или смертельный ад
Ты превозносишь песнею своей,
Хотя бы к чёрту здесь летело всё подряд?!

Зима замкнула наглухо окно.
Но даже стужа не замкнёт души,
Где много отцвело, а больше сожжено,
А розы памяти всё так же хороши.

2011

«Здесь движется весна...»

Здесь движется весна
И яблоневый сад,
Едва восстав от сна,
Расцвечивает взгляд.

Неловок и нетвёрд
В движениях своих,
Он чувствует аккорд,
Что разрешится в них.

В корявых пальцах рук
Вдруг зреет ураган,
Как будто каждый сук
И флейта и орган.

Изорвана кора,
Изломанны стволы,
Но в глубине нутра
Жужжит душа пчелы.

Достаточно щелчка
И сжатое в комок
Предчувствие цветка
Перерастёт в цветок.

Зарозовел один,
За ним зацвёл другой,
Взрывая сон седин
Младенческой игрой.

И отступила спесь
Всех трещин и заплат.
О, как раскрылся весь
Весенний звукоряд.

2012

«Так ясно в небесах...»

Так ясно в небесах!
И вдруг на солнце ливень.
Нет, мы живём не в снах,
А где-то между ними.

Зацепки нет прямой,
Но жизнь – в моём сознание —
Обратный путь домой,
Игра на узнавание.

Где всё до мелочей,
Когда глядишь сквозь воду,
Вдруг обнажит ручей
Бесстрашно, но по ходу.

Всмотреться не успел,
Уже иное зримо,
Как призрачный прицел
Проскальзывая мимо.

И это без конца
Закручено с начала.
Не узнаёшь лица,
Пока не зазвучало.

За голос всё отдашь,
Родное узнавая,
Поскольку голос наш
Есть речь души живая.

Так пой же, говори,
И я тебе отвечу.
Задолго до зари
Мы справим нашу встречу.

И уж не важно нам,
Что мы идём наощупь.
Стреляют по ногам,
Но выживший – не ропщет.

2014

Осень Веласкеса

Теперь у нас испанская пора:
В лесах горят лимоны, апельсины.
И роскошь в грязь упавшего ковра
Веласкесом подарена России.

Ему и осень помогла сама:
Где подмешала грусти, где задора,
Особо расцветив игру его ума
И золотом расшитого камзола.

Какая тонкость в этой пестроте,
Какие всюду шали и браслеты.
И как серебряно звенят браслеты те,
Берёзам на запястия надеты.

Рябины в бусах, в ожерельях ель,
Ольха в кокошниках, в коронах клёны —
Их понемногу разбирает хмель
Под звук зимы чуть слышный, отдалённый.

И вдруг сорвутся все и бросятся толпой
Под мощные гитарные аккорды
Узорами расписанной тропой
Туда, где нет ни выхода, ни брода.

Кто верховодит этим колдовством?
Уже знобит от стука кастаньеты.
Стаканы воздуха наполнены вином,
В котором смешаны пейзажи и портреты.

Вот живопись, достойная костра.
Но где же все лимоны, апельсины?
Со всею пышностью испанского двора
Так осень догорает по России.

2012

Кошки (Зимний вальс)

Облаками, кораблями
В зимнем небе наши сны
Проплывают над краями
Чуть оснеженной луны.
Трубниковский переулок
Лёгким снегом окрылён, —
Час и место для прогулок
Тех, кто юн и кто влюблён.

Мы с тобой давно знакомы,
Но в такие вечера
Мы, как прежде, беззаконны,
Так же юны, как вчера.
Сумасшедшие немножко,
Спотыкаемся в шагу.
Вдруг мы видим, кот и кошка
Закружились на снегу.

Что за дивные движенья,
Что за ласковость во всём.
Никакого напряженья,
Если каждый невесом.
Видно, что молодожёны,
Ясно, что из-под венца
В этот мир замороженный
Принесли свои сердца.

Как ночные крылья снега
Молодые души их.
Дай им, Боже, оберега
От напастей городских,
От собаки, от потравы,
От расправы дурака.
Человеческие нравы
Не исправились пока.

Время быстро пролетает.
Облака ли, корабли —
Всё, что души окрыляет,
Не зависит от земли.
Трубниковский переулок
Остаётся, как всегда,
Нашим местом для прогулок,
Нашим часом сквозь года.

Но с тех пор, едва позёмка,
Вспоминаем про себя:
Два счастливые котёнка
Вновь вальсируют, любя.
Снег пушится, снег искрится.
Кошка смотрит на кота.
Если есть такие лица, —
Есть на свете правота.

2012

У Синего Моста

Где-нибудь в Петербурге,
У Синего Моста,
Заблудиться не трудно,
Закружиться так просто.

Пожимая плечами,
Не спеши улыбаться,
Но, конечно, ночами
Лучше здесь не встречаться.

С карнавальным пристрастьем
К таинственным действиям
Здесь с тенями злосчастья
Бродят жертвы злодейства.

Люди разного круга
Собираются вместе,
Угощая друг друга
Должной порцией мести.

Никому понарошку
Смерть здесь не поклонилась.
Но зато на морошку
Никогда не скупилась.

И шампанского тоже
Не жалела с сивухой,
Оттого здесь, похоже,
Все немного под мухой.

Для случайного гостя
Нет особого гостя:
Вечный проигрыш в кости,
Вечно прыгаешь с моста.

Без особой причины
Не ищи этих улиц.
Мы с тобой без личины,
Потому и вернулись.

2013

«Он, слава Богу, снова на плаву...»

Он, слава Богу, снова на плаву,
Санкт-Петербург, наш город заповедный.
Его двойник кровавый смыт в Неву,
А этого вновь вывез Всадник Медный.

2013

«Смерть не заходит в гости...»

Смерть не заходит в гости,
Не требует любви.
Она играет в кости,
В чужие, как в свои.

Что выпадет, не ясно.
Известно лишь одно:
Усилия напрасны
Быть с нею заодно.

Тут действуй осторожно,
На ощупь, на просвет.
Когда она возможна,
Тебя, возможно, нет.

Она ведь только средство
Какого-то пути
И надо без последствий
Круги его пройти.

Не сбиться, не споткнуться
И совершив закон,
Не то чтобы проснуться, —
Преодолеть свой сон.

Грехами, как цепями
Опутанный, спеши
Свалить пещерный камень
С натруженной души.

Все смертные сомненья
Отпрянут, как болезнь.
И явишь ты Спасенья
И Воскресенья весть.

2013

«Под гроздьями грозы, как будто сполупьяна...»

Под гроздьями грозы, как будто сполупьяна,
Мы падали с тобой и посреди земли,
Что было под рукой, хватали жадно, рьяно
И жажду утолить едва-едва могли.

Огромный мир вставал, как лес мифотворенья.
Нас оглушали дивьи голоса.
И норовили сбить сердцебиенье
Иные, не святые чудеса.

Казалось это колдовским обрядом
Каких-то обитателей чудных,
Увенчанных плющом и виноградом,
В обильной пене и парах пивных.

Но фавнов и сатиров мы спугнули.
Уж если были там рогатые друзья,
То это всё олени да косули,
Их в чародействе упрекнуть нельзя.

А просто были мы тогда, как дети,
Как первые создания всех времён.
И вот мы пережили бури эти,
А голос жажды всё не утолён.

2013

Звезда Хлебного Дома

Всё то, что пронеслось
Над нашим домом,
Не сон, но худшим сном сбылось,
Судом, Содомом.

Проломами окон
Он смотрит непотребно.
А звался прежде он,
Был Домом Хлеба.

Но совесть из людей
Палач умело вынул
И выдал горсть гвоздей
И дал дубину.

Пошёл народ бродить,
С душою в корчах,
Себе подобных бить
И всяких прочих.

Но сквозь пустырь в окне,
В глазных провалах,
Как будто светит мне
Свет, как бывало.

О светоносный Вифлеем!
Ну что ж, как видно,
Ты мне, как хлеб, который ем,
Звезда Давида.

Дабы смирить уста
Народной злобе,
Ты привела Христа
В пастушьей робе.

Свети же, не скупись,
Тем, кто в потёмках,
Свою курочит жизнь
И жизнь в потомках.

Кому гульба, кому
Кровавое застолье.
Закваска есть в дому.
Чем хлеб посолим?

2013

«Богатый не влезет сквозь ухо верблюда...»

Богатый не влезет сквозь ухо верблюда
И что-то там вроде какого-то блуда
С копейками и деловой шелухой:
Торгующих в храме довольно с лихвой.
Две лепты свои положила старуха,
А мне чем делиться? Запечной трухой?
Богат я, и то лишь присутствием духа
Отчасти, поскольку приходится мне
Присутствовать часто снаружи и вне
Пространства себя самого на земле,
Которую я облетаю ночами
И звёзды считаю на Божьем челе,
Рискуя низвергнутым быть их мечами
За то, что я, нищий, кажусь богачом,
Гораздо богаче печальной вдовицы.
О, лишь бы душой для души не скупиться,
А ухо и самый верблюд ни при чём.

2010

Деревня

Сохатые забредили из леса
Бродить туда-сюда, вздымая прах.
Какого лешего, какого интереса
Они искали в этих деревнях?

Да, сушь кругом. В домах просели крыши,
Провисли окна, как укор судьбе.
Нет никого, а если б кто и вышел,
Смотрел бы только под ноги себе.

Спросить его, пожаром, что ль ушибло?
Не нужно и вопросов задавать.
Пожар, чума, всё это здесь уж было.
Похуже то, что стали забывать.

Сперва село на карте потерялось,
Потом и на погосте не нашлось.
Шагреневая кожа жизни сжалась,
Земли крестьянской надломилась ось.

Там чехарда в столицах, врут витии,
А здесь почти что не жилая полоса.
Идут с хоругвями сохатые святые,
Колeblesя не святые небеса.

2013

«Мы с тобой полетим высоко...»

Мы с тобой полетим высоко,
Выше звёзд, выше чувств.
Обопрись на меня, мне легко,
Если я к тебе прикоснусь.

Ни к чему нам премудрость минувших дней
С вечным дьяволом в мелочах.
Впереди гроза, при грозе видней
То, что грезилось при свечах.

Новым небом наполнятся наши глаза,
Но мы с радостью глянем туда,
Где над солнечной рябью мелькнёт стрекоза
И лазурью проблещет вода.

2013

«Ругали королей, смеялись над попами...»

Ругали королей, смеялись над попами
И русского царя зарезали с детьми.
Вот видимый прогресс, руководивший вами.
С таким прогрессом мне не по пути.

До Бога наконец-то донесли отцы
Проклятья ваши и теперь у вас
Есть в управителях бандиты, лихоимцы
И добровольное ярмо – чиновный класс.

Нет места никому на их орбите.
И мёртвые, в отличие от людей,
Они покоятся на кладбищах закрытых
И в мавзолеях, если поважней.

Да кто ж они, вершители и судьи?
Чем отличились, кроме воровства?
А между тем, от них зависят судьбы
Простых людей, поскольку жизнь проста.

2013

«Аргонавты! Куда поплывём...»

Аргонавты! Куда поплывём?
Если мы овладеем пространством,
Может, мы усладимся руном,
Златорунным упьёмся багрянцем.
Но увы, беспокойства не спрячем:
Где Россию обрящем?

Ту Россию, что хуже репья,
Хуже грязи осенней и хвори
Всё хватает за душу, хрипя,
И – за горло в хмельном разговоре.
Вот и грезится нам – то Колхида,
То и вовсе иная планида.

А потом мы и рыщем и плачем,
Где Россию обрящем?

2013

«Боль – порожденье зла...»

Боль – порожденье зла.
Ты – плод Всевышней воли,
И плоть твоя прошла,
Не причиняя боли.

Пускай весь свет срамил
Тебя из фарисейства,
Что ты родился в мир,
Не нарушая девства, —

Покинув райский сад,
Ты не отринул мира
И даже в самый Ад
Не взял с собой секиры.

Не допустил ни в чём
Ты ни малейшей крови:
Не исцелить мечом
Людского нездоровья.

Откуда ни взяло
Оно исток исходный, —
Само вот это зло
Не грех ли первородный?

За то, что не входил
С ним в обсужденье торга,
Ты тоже кровь пролил.
Но лишь свою. И Бога.

2013

Письмо в Рязань Петру Иванову, поэту

Как хороши, как свежи были грозы,
Сводившие нас в юности с ума.
А были мы красивы и серьёзны
И жизнь нам открывала закрома.

Там было всё, о чём душа мечтает,
Хотя и не доступное пока.
Как первый снег к утру обычно тает,
Наш первый сон боялся ветерка.

Всё облетало яблоневым цветом,
Бесплодным оставляя пустоцвет.
И всё же были мы сродни кометам,
Стремясь найти себя среди планет.

Планеты нас манили незнакомым
Предчувствием уютного угла.
Но мы пьянели грозовым озоном,
Грозя в полёте догореть дотла.

Кто первый, кто последний в этой гонке,
Значенья не имело никогда.
А если кто и уцелел в сторонке,
То лишь для покаянья и суда.

Последний фавн повитоптал все лозы,
С последним соловьём расправилась зима.
Как хороши, как свежи были грозы,
Сводившие нас в юности с ума!

2012

«Как полон светом окоём окна...»

Как полон светом окоём окна,
Откуда клён протягивает ветку.
Она ещё как будто зелена,
Но осень уж набрасывает сетку.

Морщинится и солнце сквозь листву,
И этот блеск его перед закатом
Лишь создаёт тревожную канву,
Просеянную сквозь янтарный атом.

И долго движется сиянье по стене,
Где тени вечеряющего клёна
Такую даль указывают мне,
Которая страшит и отдалённо.

А это ближе, чем желать я мог.
И я спешу, чтобы не впасть в смятенье,
Вновь погрузиться в световой поток,
Что так расширил это средостенье.

Я понимаю, это тоже сеть.
Зато душа, уловленная ею,
На этот миг забудет вдруг про смерть.
О большем я и спрашивать не смею.

2013

Юность

О.В.М.

Всё тот же ветер вьёт песок,
Листву швыряет на тропе.
И каждый так же одинок.
И я не различим в толпе.

А ты проходишь, как весна.
И светом твоего лица
Вся улица озарена,
И маки, маки без конца.

1975

Новинское

Вся жизнь была новым, новинским,
Как снег перед самой зарёй,
Как холст, что трудом материнским
Был соткан вечерней порой.

Как бабушкин сад, где роились
Весёлые пчёлы в цветку.
Как Днепр, чьи волны катились
Сквозь сад, словно сквозь дремоту.

И то, что случилось позднее:
Разор и погибель страны, —
Нам тоже, хотя и беднее,
Внушало новинские сны.

И в эти-то сны я поверил,
А были они наяву.
Мороз нам все окна задебрил,
Упрятав живую листву.

Когда же гроза разразилась,
Сквозь слёзы мои невпопад,
Мне снился, скажи-ка на милость,
Исчезнувший бабушкин сад.

Казался он новым, новинским,
С иголочки, можно сказать,
Как холст, что трудом материнским
Нам жизнь продолжал обновлять.

2013

«Мы идём за облаками...»

Мы идём за облаками,
Облака идут за нами
Без дороги, без пути.
Мы друг друга понимаем,
Приникаем, обнимаем,
Исчезаем, не найти.

Встань хоть с небесами вровень, —
На земле, где час не ровен,
Жмёт обувка, вяжет снег,
Так ли, этак – с облаками
Поменяешься местами
И летаешь без помех.

Смотришь: чуть подует ветер,
Женщины летят и дети,
И дома и закрома.
Ни опоры, ни зацепки,
Мы летаем словно щепки
И горим, как кострома.

Но случается, проглянет
Солнце поутру-поране,
Ищет горе по уму.
Где-то здесь мы жили-были.
Мы забыли, нас забыли.
Остальное ни к чему.
Мало это или много?
Над затопленной Мологой
Небо чистое пока.
Вот бы где и отразиться
Нашим душам, нашим лицам!
Отразились облака.

2014

«Пройдут и эти дни...»

Пройдут и эти дни,
Пройдут и дни другие,
Сигнальные огни,
Намеренья благие.

Как фосфорная нить,
Мигнули и пропали.
А чтобы их прожить,
Мы их так долго ждали.

И вот нет и следа.
И память врёт, как сводня,
Что жили мы тогда.
Когда? – Вчера? Сегодня?

Холодный всплеск зарниц
Вдруг выхватит из тени:
Здесь несколько страниц,
Там некое мгновенье.

И что же? Для чего
Я в этот мир явился?
Я видел сон его
И я ему приснился.

Есть чувство, что и ты
И я – здесь божедомы.
Мы узнаём черты.
А были мы знакомы?

2014

«Я войду в ладью, отправлюсь в море...»

Я войду в ладью, отправлюсь в море,
Прямо в Ледовитый океан.
Говорят, что Северное море – горе
И всегда готово на обман.

Ну, так что же, я не знаю разве
Шторма слёз и глубины тоски?
Словно рифы мелкие людские дрязги
Доведут до гробовой доски.

Мы как будто ходим по земле, по суше,
А качает нас, как на волнах.
Зыбки наши связи, бедны души
И штормит нас в четырёх стенах.

Я привык ходить морской походкой,
Ритм волненья мне давно знаком.
Пригодится мне уменье править лодкой,
Не сгибаясь на ветру морском.

Изменить судьбу в одно касанье, —
Всё равно, что лодку повернуть.
Я мечтал о Северном сиянье!
Вот – оно мне освещает путь.

2009

«Я вспомнил, наконец, о лете...»

Я вспомнил, наконец, о лете
И зимний сон стряхнув с ресниц,
Спешу туда, где на рассвете
Давно, давно не слышал птиц.

Я растрепал воспоминанья
Уже не юною рукой
И замелькали расстоянья,
Слагая вёрсты на покой.

Дорожное своё волненье
Я спрятал в ледяной платок.
Я еду в нужном направленьи,
Обратный делая виток.

Но больно сознавать мне втайне
И даже явно понимать,
Что трудно будет узнаванье
Того, чего нельзя узнать.

Имея это на примете,
Я в сполохах ночных зарниц
Спешу туда, где на рассвете
Давно, давно не слышал птиц.

2009

«Я первый между всеми...»

Я первый между всеми
Почувствовал мотив:
Я отклоняю время,
Его преобразив.

Не жму, не обгоняю,
Не рву его, не мну.
Я время отклоняю,
Как свет или волну.

Как отклоняют парус,
Чтобы вольней дышать,
Я времени стараюсь
Ни в чём не помешать.

И время с ускореньем
Становится собой:
Не просто измереньем,
Но жизненной средой.

Чуть отклоняя ветку,
Я прохожу сквозь сад.
И солнечную сетку
Расцвечивает взгляд.

2014

Посвящение

В счастливом городе с открытым взглядом в море
Ты родилась из солнечных лучей,
Не сказка, нет, но то, что в разговоре
Мелькает утешением людей.

И время долгое ты без жилья и быта
Скиталась по стране, – то Север, то Памир,
И словно бабочка была ты колоритна,
Как будто о тебе рассказывал Шекспир.

И где-то на пути, среди мелькавших станций,
Я чиркнул спичкою и вспыхнул образ твой.
И мы с тобой не стали разлучаться, —
Два дерева, но под одной листвою.

2013

Точка росы

«Смотри, как бьётся море в пене...»

Смотри, как бьётся море в пене,
Совсем нагое, но в цепях
Своих невольных преступлений
И покаяний второпях.

Не радость в нём вскипает силой.
Оно ярится оттого,
Что став бездонною могилой,
Оно не скроет ничего.

Вот что рождает в нём стремленье
Бежать от собственных твердынь.
Ему сродни одно лишь время
Жестокостью своих седин.

Ему хотелось бы обратно
В свои младенческие сны,
Где на покое так приятно
Всё созерцать из глубины.

Но и в ракушечной постели
В нём ни любви, ни божества.
Его поверхность – слабый стебель.
Его глубины – жернова.

2014

«И всё-таки море, и белый кораблик...»

И всё-таки море, и белый кораблик,
И маленький птенчик, какой-нибудь зяблик
На солнышке рано играет в песке.
А где-то там парус и жизнь вдалеке.
И время, которое здесь не считают,
А просто, как чайки кричат и летают
Над белым ли камнем, над синей волной,
Что плещется низкой басовой струной
И мягким, почти колыбельным мотивом
Ложится на берег отливом, приливом.

2014

Баллада о моём художнике

А мой художник – Рубенс.
Дивитесь на него,
Нептуновский трезубец,
Вот – это кисть его.
Не пишет он, а пышет,
В избытке сил своих,
Наяд и прочих пышек,
Прекрасных и нагих.

То пляской козлоногой
Весь испестрит ковёр.
А то молитвой строгой
Потупит женский взор.
Трубящие Тритоны
Едва не рвут холста.
Вдруг тихий плач и стоны,
И «Снятие с креста».

Где тонко, там и рвётся.
Вот маленький портрет.
Здесь девочка смеётся,
А смеха вовсе нет.
Кровь живо озаряет
И щёки ей и лоб.
Не слишком ли? Кто знает!
Но чувствуешь озноб.

Не жизнь с её игрою, —
Тут близко к бытию:
Он в кровь своих героев
Подмешивал свою.
На губы словно вишни
Упало забытьё.
Ей в кровь попал излишек,
Смертельный для неё.

Не потому ль под шляпой,
Уж если брать с аза,
Не ум он хитрый прятал,
А грустные глаза.
Он дочь назвал Сиреной,
Она и уплыла,
С морской смешалась пеной
Сиреневая мгла.

Прощай, малышка Клара!
И Вакх фламандских грёз
Не избежал угара
От настоящих слёз.
Ушли в хмельной обиде
Волхвы и короли,
Оставив в чистом виде
Пейзаж родной земли.

Ни королевских лоджий,
Ни голых сатиресс, —
Рисует мой художник
Осенний свет небес.
Нам холодно. Но шутка
Даруется судьбой.
И меховая «Шубка»
Согреет нас с тобой.

2014

Гимн Новороссии

В веках Новороссия крепла
Надёжностью рук трудовых.
Едина со славою предков
Бессмертная доблесть живых.

Виват, Новороссия наша!
Народ Новоросский, виват!
Гвардейскою лентой украшен
Крылатой Победы наряд.

Проходит она, как царица,
И души погибших в боях
Снопамы созревшей пшеницы
Лежат у неё на руках.

Мы тризну по ним совершили
С молитвой за волю и труд.
И вот мы стоим на вершине,
Знамёна свои развернув.

Да здравствует честь и отвага,
Чтоб реял над нами окрест,
На поле багряного стяга
Священный Андреевский Крест.

2014

«Плач стихнул, откричался...»

Плач стихнул, откричался,
Как ворон на трубе.
А чёрный плащ остался
На память о тебе.

Тем явственней кручина
В отсутствии твоём, —
Всё время различима
Твоя фигура в нём.

Его старались спрятать
И даже потерять.
Но всё равно обратно
Он приходил опять.

Он шёл твоей походкой
И в складках поперёк
С напористостью кроткой
Читался твой упрёк.

Но так же, как в начале,
Я видеть не готов
Обвисших от печали
Не нужных рукавов.

2014

«Вот кульбит, от которого...»

Вот кульбит, от которого
Сводит конечности.
Расставались – до скорого.
Расстались – до вечности.

Чувство, близкое к панике,
Не даёт и опомниться.
Что останется в памяти
Кроме этой бессонницы?

Всё равно несказанны
И бессмертны, наверное, —
Золотые фазаны,
Фазаны серебряные.

Ты и сам был сначала
Оленёнком волшебным.
Повзрослел и умчался
Без оглядки, бесследно.

Разве были предчувствия
Или знаменья?
Всё равно отыщу тебя, —
Человека, оленя...

2014

«Как бы ни украсить скромно...»

Как бы ни украсить скромно,
Где б ни притулить её,
Ёлка – целый мир огромный,
Вольно нам вокруг неё.

Здесь вчера казалось тесно,
Угол – сразу от окна.
А сегодня: сколько места
Подарила нам она!

Мы под ней затеем прятки.
Да смотрите, не дремать:
Вдруг от волка без оглядки
Нам придётся убежать!

Дед Мороз без разговоров,
Вслед за стрелкой на часах,
Ёлку обошёл дозором
И сказал о чудесах.

Он в узорных рукавицах
Вьёт метельный серпантин
И зовёт нас прокатиться
Аж до самых до вершин.

Здесь от пола до верхушки,
Коль удержишься в санях,
То увидишь все игрушки
Под ветвями, на ветвях.
И прокатишься с размахом,
И разведает к тому ж, —
Как звенят в еловых лапах
Отголоски наших душ.

То не ватные пушинки!
То упали, засверкав,
Настоящие снежинки
На Снегурочкин рукав.

2015

«Обойтись бы...»

Обойтись бы
Мерцаньем
Свечи и лампадки,
Но, наверно, нельзя,
Поскольку
Обычай таков:
Все уляжемся мы
В аккуратные грядки,
Чтоб нас дождь
Поливал
И нежил
Снежный покров.

Но пройдут времена,
А, возможно,
Едино мгновенье,
Ветер сдует
Долой
Огородные наши
Холмы,
И повыдует напрочь
Последние крохи
Сомненья,
Что терзало когда-то
Наши сердца
И умы.

Ни того,
Ни другого
Не будет уже
И в помине.
Да и незачем,
Если
Даже могила пуста.
Но пока
Суть да дело,
Пусть Иуда
Висит на осине
И горячие губы
Лепечут
О Воскресенье Христа.

Ну, конечно,
Другой,
Не имевший обиды

На зреньё,
Что-то там разглядит,
Не подвластное
Даже уму.
Если есть
Настоящее
В мире
Смиреньё,
Это – знать,
Что умрёшь
И тогда лишь поймёшь,
Что к чему.

2015

«Вот лепестки цветка...»

Вот лепестки цветка,
Разбросанные ветром.
Не жизнь так коротка,
А смерть быстра с ответом.

Весна вернёт цветы:
Господь всё побеждает.
Но жаль мне красоты,
Что лишь мгновенье знает.

И всё ж зацепка есть
В житейской круговерти:
О Воскресенье весть,
А, значит, о бессмертье.

2015

Портрет Нарышкиной (1799)

Портрет Нарышкиной в тени
Её умолкнувшего пенья
Напоминает мне те дни,
Когда вся жизнь – одно мгновенье.

А юность тем и хороша,
Что и раскрыл Боровиковский.
Её вспорхнувшая душа
Ещё звучит в его наброске.

Не схвачена наверняка,
Но и неявным очертаньем
Она бессмертьем нам близка
И сладострастным обаяньем.

2015

Крым

Крым – это Рубенс моря.
Не пишет, пышет он,
Горячим солнцем вторя
Сиянью синих волн.

Не краски по приметам,
Здесь жизни торжество.
Закаты и рассветы
В палитре у него.

А холст – да он повсюду,
Весь мир на рубеже.
Есть где явиться чуду
И явлено уже.

Тут не искусство – что-то,
Что ближе к бытию.
Он в кровь своих полотен
Подмешивал свою.

Но это, как в сосуде
Налитое вино:
Всегда собою будет,
Пока собой хмельно.

2015

«Эх, ватник-телогреечка...»

Эх, ватник-телогреечка,
Судьба к тебе строга.
Хоть не блестит копеечка,
А всё-таки деньга.

Почём она, болезная?
Тут счёт совсем простой.
Была она, железная,
Дороже золотой.

И ты, сермяга серая,
С тебя такой же спрос.
Славна ты не манерами,
А стойкостью в мороз.

В тебе наш век отметил
Перелицовок дар,
Сложив гусарский ментик
И душегрейку бар.

И на работу годная,
И в праздник, коль чиста.
Ты, как душа народная,
Не так уж и проста.

А тем, кто всё коверкая,
Грозит тебе огнём, —
Напомню я про зеркало
И про мартышку в нём.

2015

В гостях у мотылька

На Соловках

Заскучала почта,
Почта покосилась.
В нашей жизни что-то
Странное случилось.

Не богата ношей
Сумка почтальона.
Письма – это в прошлом.
Нынче – телефоны.

Брякнул, звякнул кратко.
А сидишь, бывало,
С ручкой да тетрадкой
И всё места мало.

А в конце приписка,
Будьте, мол, здоровы.
Но теперь всё близко,
Не до разговоров.

2015

«Да, юность – лучший друг...»

Да, юность – лучший друг.
Но так же – первый враг:
Всему, что есть вокруг,
И кажется не так.

Проходишь весь в цвету
Своих волос и глаз,
Способный на мечту,
На подвиг в первый раз.

Свет твоего лица,
Как озаренье сна,
Куда влечёт сердца
Нездешняя весна.

А здесь? Страшней всего
Прозренья для тебя:
Не любишь никого, —
Не любишь и себя.

На зеркале твоём
Невидимый изъян.
И отражаясь в нём,
Ты искажён и сам.

И мнится, вся любовь
Вся жизнь – лишь маскарад.
И с маской ты готов
Лицо своё содрать.

О, сколько гибнет их,
Попавших в эту сеть:
Ни жить среди живых,
Ни с мёртвым умереть...

Но где-то на путях,
В овраге, может быть,
Какой-нибудь пустяк
Тебе поможет жить.

Но тут не надо слов.
Как юность ни пуста, —
Гирляндами цветов
Звучат её уста.

2015

Сказ о Соловецком мореходе Александре Максимове

Живёт на свете Саня
Поморский мореход.
Моря и океаны
Он переходит вброд.
По солнцу и по звёздам
Определяя путь,
Он рано или поздно
Придёт куда-нибудь.

Он начинал с начала,
Но раньше всех начал,
Не много и не мало,
Построил свой Причал.
В заливе Соловецком
С названьем «Сельдяной».
И у него есть место,
Куда придти домой.

Не по уставу кроткий,
Как монастырский кот,
Наловит он селёдки
И ягод наберёт.
И снова прыг в кораблик —
А море словно сталь —
Наохлится, как зяблик
И весь вопьётся в даль.

Живёт на свете Саня
Белужий мореход.
Владеет Соловками
И морем круглый год.
А море не простое
И остров не простой.
Здесь озеро Святое
И монастырь Святой.

А море даже смелым
Не покорится вплавь.
Оно зовётся Белым
За свой Полярный нрав.
Не белого налива
Здесь кто-то набросал.
Полярный Круг лениво
Вращает свой кристалл.

На Муксалму, на Анзер¹,
Все рифы обходя,
Он смотрит не глазами,
А из всего себя.
И что уж он там видит
С пяти своих сторон, —
Не бойся, не обидит,
Про всё расскажет он.

Наврёт, наскоморошит
И насмешит всюю.
А самое хорошее
Расскажет про семью.
И сколько и какие
Ребята у него.
Да будет Бог под килем
Кораблика его!

2015

¹ Муксалма, Анзер – острова Соловецкого Архипелага.

«Над больницей, над тёмным острогом...»

Над больницей, над тёмным острогом,
Где особенно зорки сердца,
Тонкий месяц взошёл Козерогом,
Колокольцы осыпав с лица.

Это где-то не здесь, это дальше.
Нет, наверное, там, в вышине,
Где на чистом снегу нету фальши
И встречаются души во сне.

Подморозило с вечера славно
И дыханье летит высоко.
Приговор прозвучал так недавно,
А всё прошлое так далеко.

Свету много, тем зримей печали
На снегу заплутавших раки.
Бубенцы прозвенели в начале,
А теперь тишина говорит.

Ни к кому никакого упрёка,
Но запретную волю в груди
Сохрани, соблюди без порока
И откроется рай впереди.

Не беда, что под нежным запястьем
Не подушка, а жёсткая жесь.
Если так велико в нас несчастье,
То какое же счастье в нас есть!

2015

На смерть отца

Уж которую ночь, как нарочно,
В позе древних кариатид,
Там какой-то мужик под окошком
Всё стоит и чего-то свистит.

Или это сгустившийся ветер
Тенью пал под слепым фонарём?
Этот свист что-то значит на свете,
Отчего мы, наверно, умрём.

А пока, если некуда деться,
Просто думай о том, что с утра
Я приду целовать твоё сердце,
Как моё целовал ты вчера.

2015

«Я испытал удары по лицу...»

Я испытал удары по лицу,
Я был и оскорбляем и унижен.
Но вот, когда подходит жизнь к концу,
Я и следа всего того не вижу.

Как будто это было не всерьёз,
Хотя болело и внушало ужас.
Душа недостижима для угроз.
А внешне, что ж, и я бывал не хуже.

Я не затаивал ни мести, ни суда.
Но так же точно оскорблял другого.
И мне понадобились целые года,
Чтоб я в себе возненавидел злого.

Все эти не огрехи, не грешки, —
А чёрствость вся моя и непотребство
Теперь меня поймали, как в тиски,
И душу жмут и давят мне на сердце.

Есть голос сердца – сколько ни глуши,
Он покаянной вырвется слезою.
Ведь не лицо есть зеркало души.
А всё, что выше – связано с грозою.

2016

«Как море – переменчива...»

Как море – переменчива,
Гибка, как вал морской,
Не создана ты, женщина,
Всегда была такой.

В непостоянстве дивная,
Ты бродишь, как вино.
Сама природа, видимо,
С тобою заодно.

Как берега не равные,
Тот смотрит вверх, тот вниз,
Все чувства своенравные
В душе твоей слились.

То мягкие, то нежные,
Как переплеск волны,
Они всегда безбрежные
И не всегда ясны.

А то бывают бурные,
Уж тут, смотри, держись,
Красивые, лазурные,
Но забирают жизнь.

В глаза твои весенние
Взглянул. – и вмиг пропал:
Такое в них волнение,
И поле, и опал.

Но тайны есть вселенские
И вот одна из тех:
Глаза у моря – женские,
Сбежавшие от всех.

2016

«Своей беды виновник...»

а)

Своей беды виновник,
Я шёл на склоне дня.
Навстречу шёл шиповник
И целился в меня.

Как будто в каплях крови
Концами стрел своих
Он был уж наготове
Ударить в тот же миг.

Но шёл я так же быстро
И весело слегка,
Как шёл бы я на выстрел
Или удар клинка.

Я знал, что скоро вечер.
И ночь, венец всему,
Придёт затеплить свечи
К возглавью моему.

Так что же, пусть пронзает
Шиповник грудь мою, —
Того, кто уповает
С любимой быть в раю.

Я объяснюсь немного,
Тут слов не подбирай,
Она теперь у Бога,
А где она, там рай.

Нет без любви любовника.
Того я и желал,
Чтоб стрелами шиповника
Сражён был наповал.

2016

б)

А липа по весне не расцвела.

Либо задумалась, не то изнемогла,
Не выдержав боренья с зимней стужей.
Росток же вдохновенья неуклюжий,
Обласканный и солнцем и дождём,
Едва-едва пробившись огоньком,
Но всё же дал в побеге два листочка.
Так что же, смерти нет? Или дана отсрочка?
Ах, знать бы изболевшимся сознанием,
Что обещается нам этим прозябаньем
Того, что спрятано под умершие вежды?
Без смерти жизни нет, а счастья – без надежды.

2016

в)

Воспоминаний ли образы дальние —
Искрами счастья в лёгком порхании
Вьются снежинки, как будто печальные,
Как и вся жизнь в этом зимнем дыхании.

Сердце без них и пустынно, и бедно.
Вот промелькнули, не повторяются.
Но исчезают они не бесследно.
Ими, лишь ими душа озаряется.

Сколько утрачено, ветром подхвачено
Снов и надежд, и пылких стремлений.
Что же, тем больше нам предназначено
Встреч мимолётных, долгих волнений.

Жаль, что иной раз ужалит сомнение
В смысле всего, что с нами случилось.
Кто же утешит и в чём утешение?
Ты отдалилась, но не изменилась.

Может ли жизнь быть полней и прекрасней?
Я не хочу, не могу измениться.
Пусть всё проходит, мелькает и гаснет:
В искрах снежинок горят наши лица.
И соловьиное пенье, весеннее,
Снова врывается в наше затишье.
Смерть существует, но это – Успение,
Для пробуждения выше, о, выше.

2016

г)

Художники – иной и гений, —
Но как же им не повезло:
Из самых лучших побуждений
Они обожествили зло.

Среди обыденности серой
Герой быть должен весь в цепях,
Иль дьяволом, набитым серой,
С кривой усмешкой на устах.

Избрав свободу идеалом,
Художник, если не дурак,
Представит казни карнавалом
И раем – грязный кавардак.

Тут надобно побольше краски,
Особой адской густоты.
На кладбищах устроим пляски,
Распнём святыню красоты!

Герой прославился злодейством?
Удачно удавил отца?
Скажи, что он без фарисейства
Шёл за идею до конца.

От этой мерзостной идеи
Разило смертью за версту:
Художники, как фарисеи,
Варраву предпочли Христу.

2016

После солнца

«Ты приснилась мне в жаркой истоме...»

Ты приснилась мне в жаркой истоме,
А была ты, как солнце, смугла
И ходила по жёлтой соломе
И почти что её подожгла.

А потом мы пошли по дороге,
По такой раскалённой пыли,
Что твои золотистые ноги
Уж совсем не касались земли.

2016

«Где, – то бегом, то шагом...»

Где, – то бегом, то шагом,
А где на крыльях влёт,
Мы мчимся по оврагам,
По капищам болот.

Воздушные просторы
Полны святых чудес.
А на земле заторы
Встают наперерез.

Проточные низины,
Протаявшие льды,
И ягоды рябины
Кровавят нам следы.

Мы оба длинноноги
И на одной волне.
И если уж не боги,
То журавли вполне.

Нам свет души не застит.
И вот мы в небесах
Бежим навстречу счастью
С погибелью в глазах.

Ветра нас обнажили.
Ну что ж, сильнее гори!
Не кровь на наших крыльях,
А капельки зари.

2016

Соловецкое море

На том на острове, на сказочном, Святом
Нас окружали чудеса природы.
Сияло море, бледное притом,
Стонали чайки на побережии пустом,
Где валуны отыскивают броды.

И валуны довольно далеко
Уходят в море, словно им легко
Всё время уходить и возвращаться.
Задумываясь мрачно, глубоко,
Предпочитает море не кончаться.
Я восходил на эти валуны
И море так таинственно кипело,
То пеной угрожающе шипело,
То разевала пасть нахлынувшей волны.

И было всё оно прекрасно до того,
Что, право, оставаться невозможно
В его присутствии свободным от него.
Но красота его поистине безбожна.
И дышит льдом спокойствие его.

Так вот откуда эта тишина, —
От этих валунов, огромных, как планеты.
В них тайна вечности заключена.
В их немоте – столь очевидно это —
Полярного безмолвия приметы.
И солнцу их не пробудить от сна.

Но море что-то думает, итожит.
Меняет поминутно свет и цвет.
Повсюду воздух, дух, наверно, Божий.
Неужто жизнь и смерть одно и то же?
Запомнился белуг полярный менуэт.
Мы дышим морем – тишина в ответ.

2016

Соловецкий блокнот № 3

А были мы с тобой в гостях у мотылька.
Что ж, жизнь в гостях у мотылька легка.
Но этот мост – из валунов-громадин
Через морской пролив, – а вид его отраден, —
Кто строил это чудо на века?

Казалось, здесь работали гиганты
Иль может быть слоновьи арестанты,
Ведь здесь стонал советский лагерь СЛОН.
Недаром же так назывался он!

Но походили мы, поели дикой шикши.
К фантазиям паломники привыкши.
Но ни к чему лисице виноград.
Нет, это были не гиганты и не ээки.
Откуда пресные озёра здесь и реки?
Да это, Боже, просто Райский Сад!

И это в Ледниковом нашем море!
Здесь сам Господь, как на горе Фаворе,
Нам предстаёт в твореньях мотылька.
Монахи здесь трудились и страдали,
И во спасенье жизнь свою отдали.
Нам говорят о чудесах наверняка.
А это – веры верная рука.

2016

«Мне не нужны кабацкие стаканы...»

Мне не нужны кабацкие стаканы,
Портовые красотки не нужны.
Нет, мне нужны моря и океаны
И берега неведомой страны.

Я в детстве полюбил носить матроску.
И будучи со мной во многом «за»,
Отец мне подарил мечту в полоску
И синевой обрызгал мне глаза.

Он говорил, играя с нашей кошкой,
Немного в шутку, но вполне всерьёз, —
Ступай, сынок, своим путём-дорожкой
И солоней волны не ведай слёз.

Он говорил не с бухты не с барахты,
Он вправе был, хоть отошёл от дел.
Он отстоял все штурманские вахты,
Но капитаном стать не захотел.

Вот так и я – не мечу в капитаны.
Хочу матросом все моря пройти.
Я не хочу быть по-кабацки пьяным.
Я пьян, как волны на морском пути.

2016

«Промелькнуло, прогремело...»

Промелькнуло, прогремело
Эхо выстрела в горах.
Жили-были, было дело,
Но теперь не при делах.

Словно искры в отдаленье
Сгинули бог весть куда
И прекрасные мгновенья
И гнетущие года.

Всё печальней, безответней
Прошлое в душе моей.
Стали трещины заметней,
Стали сумерки темней.

2016

«Кажется, зимняя ночь хороша...»

Кажется, зимняя ночь хороша.
Мороз продолжает крепчать.
В тёмные окна, морозом дыша,
Смотрят отец мой и мать.

Там ещё брат под окошком стоит,
Словно о чём-то забыл.
Но на меня лишь она глядит, —
Та, что я так любил.

Любил не любил... Что значит, любить,
Если мы были одно?
Смерть нас, конечно, смогла разлучить,
Но душой ей владеть не дано.

Вот мы и смотрим: она на меня,
Я на неё – всякий раз,
Едва только отблеск ночного огня
Нас озарит в поздний час.

2016

«В городе каждом, даже в селе...»

В городе каждом, даже в селе,
В каждой деревне почти
Есть этот странный клочок на земле,
Который не обойти.

Днём это место внушает грусть,
Ночью внушает страх.
Откуда же здесь смятение чувств,
Весь этот ужас впотьмах?

Каждый думал одно и то ж
И думает каждый миг:
Хочешь не хочешь, сюда придёшь
И ляжешь среди других.

Снег навевает сугробы свои,
Дождь намочит песку.
Где же зёрна твоей любви,
Собранной по колоску?

Где же те очи, что столько звёзд
Таили в своих зрачках?
Прищёл, погостил и ушёл на погост
И снова будто в гостях.

Так что же? Значит, не навсегда
На странном клочке земли
Будет шуметь над тобой лебеда
И ковылять ковыли?
Не знаю, но помню лишь об одном,
Что отняли у меня
То, что сияло в сердце моём
Ярче весеннего дня.

Жизнь, как молния рядом с тобой
Упала и в землю ушла.
А что если наша с тобой любовь, —
Ушедшая в небо душа?

2016

«А дождь всё ищет ключик...»

А дождь всё ищет ключик,
Всё хочет дверь открыть,
Топочет и канючит
И проявляет прыть.

Зима ему не рада
И не пускает в дом.
Он ходит вдоль фасада,
Стучится под окном.

Ещё крепки сугробы.
И посмотри, к утру
Капели-нищоброды
Застынут на ветру.

Не износилась шуба
И хочется поспать.
Да и хмельного шума
В деревьях не слышать.

Дождь всхлипнул напоследок
И сгинул в полутьме.
Не тот он собеседник,
Что нужен был зиме.

2017

Интермеццо прелюдий

«Приди ко мне, когда я буду...»

Приди ко мне, когда я буду
Иное видеть на земле,
Поверю истинному чуду
И отыщу огонь в золе.

Приди ко мне, когда я стану
Бедней и проще, чем теперь.
Ночному ветру и обману
Высоких звёзд открою дверь.

Приди тогда, когда в невзрачном
Побеге запоёт лоза.
Когда в лице моём прозрачном
Останутся одни глаза.

1984

«Под снегопад...»

Под снегопад
Я засыпаю
И рассыпаю
Снов звездопад.

Глубокий, нежный
Роится мир,
Как рокот снежный
Небесных лир.

Твои ли руки
На струнах их
Срывали звуки
Стихов моих?

Душа живая,
Как снег бела,
Не сознавая,
Их родила.

Они сорвались
С души моей
И отозвались
В душе твоей.

1985

«На стол, забывшись в разговоре...»

На стол, забывшись в разговоре,
Вино из хрусталя пролил, —
И вот уже встаёт над морем
Твоя Венеция в дали.

Твой город, в прошлое влюблённый,
Где незабвенные в веках,
Высоколобые Мадонны
Младенцев держат на руках.

Он выдуман тобой так ярко,
Так смело блещет наяву,
Что я из-под руки Сан Марко
Тебя ревную и зову.

А ты смеёшься надо мной
Адриатической волной.

1983

«Ложатся годы паутиной...»

Ложатся годы паутиной
На переносицу, у глаз.
И кажется, как миг единый
Всё, всё вчерашнее для нас.

Быть может, мы грешны в том сами,
Не успевая различать
События за пустяками,
А в жизни глубины печать?

Но стоит обострить вниманье,
Вести минутам строгий счёт,
И время – словно в оправданье
Ещё быстрее потечёт!

Махнуть рукой – одно возможно,
Но как не думать о другом,
О неизбежном и тревожном:
Мелеет сердце с каждым днём.

И жизнь, с трудом тая презренье
К поступкам нашим и делам, —
Как бы иное измеренье
Всё чаще предлагает нам.

Нам это больно, как измена.
Но жизнь диктует без стыда:
Мы отступаем постепенно
И выбываем навсегда.

1982

Классические строфы

О если б я сошёл с ума!
Меня б не мучила зима,
Не крючил бы мороз.
И я, скитаясь босняком,
По льду ходил бы босиком,
Не чувствуя заноз.

Я видел бы вокруг себя
Не то, о чём душа, скорбя,
Не хочет говорить, —
Но небывалые миры,
Как разноцветные шары,
Способные парить.

И я спасал бы от воров
Шедевры улиц и дворов —
Всеобщих галерей,
Куда манит в вечерний час
И завораживает нас
Голгофа фонарей.

А летом убежал бы я
Подальше от житья-бытья
Сограждан дорогих.
Пересекая пустыри,
Заглядывал в монастыри
Развалин вековых.

И как ребёнок, тих и слаб,
Я слушал бы крикливых жаб
Среди болотных ям.
Я б услаждал свой дикий слух
И повторял их трели вслух
На зависть соловьям.

А если вдруг придут за мной,
Чтоб запереть глухой стеной,
Я сам скажу тогда,
Что в этом тоже есть резон,
Заходит же за горизонт
Полярная Звезда!

И ночью, в тишине, во сне
Поведится медведь ко мне, —
Кому ж ещё взбредёт

Стучать, затворами бренчать,
Да стену ветхую качать,
Пока не упадёт.

1988

Стансы на стене

Счастливыцы праздные во всём великолепии
Проходят перед нами чередой.
Осанка гордая, на лицах благолепие,
Почти что с крыльями и что всего нелепее —
Им легче дышится за облачной грядой.

Они блистают со страниц прославленных
Улыбками и белизной рубах.
Как будто к стенке не было поставленных,
Как будто не было среди них отравленных,
Удавленных на уличных столбах.

Подхваченные чёрными крылатками,
Они свершают сказочный полёт,
Не важно, что сквозь башмаки с заплатками
Они порой отсвечивают пятками:
На этих пятках золотой налёт.

На старых улицах они ночами сходятся.
Хотя им не противен свет дневной, —
Но только по ночам их время сходится,
Но только по ночам их счёты сводятся
За стойкою с трактирщицей одной.

Хозяйка та открыла им, как избранным,
Ничем не ограниченный кредит.
Так высока цена речам их выпреним!
Тогда как здесь дороже меткий выстрел нам
И то, чтоб каждый в бронзу был отлит.

И нам плевать, что души их алмазные,
Когда свистят свинцовые пращи, —
Проходят сквозь кошмары непролазные,
И корчатся счастливыцы эти праздные,
И кровью набухают их плащи.

1988

Гоминарий

Какое странное дано виденье мне.
Я вижу некий город в глубине,
В нём всё почти на уровне шестого
Или седьмого чувства, как во сне,
Но нет ни белого, ни золотого.

Всё движется и всё стоит на месте.
Ломается, как маятник из жести,
Людской поток всё вдоль одной тропы.
И угловатость камня в каждом жесте,
И в каждом камне жест и лик толпы.

Живые птицы роются в отбросах,
А мёртвые висят на перекосах
Мостов и стен, на фонарях слепых.
И небо дремлет в водяных насосах, —
Столь тесное для мёртвых и живых.

И пыль повсюду. Пыльное пятно
Переползает из окна в окно.
Случись у дворников однажды семинарий, —
И вместе с пылью будет сметено
То, что зовётся Город – Гоминарий.

1988

Над вечным

Ещё светло в небесах,
Ещё есть возможность
Держать этот мир на весах.
Но что это? Всюду я вижу людей
В виде голодных и голых идей!

Голодные —
Они пожирают друг друга.
Голые —
Они забывают отечество.
Если даже и камни
Падают с ровного луга —
Как не упасть человеку
С круглого лба человечества!

Эти амёбные функции —
Всего лишь последствие рабства.
Рабство – обратное барство,
Презревшее братство.
Как паста из тюбика
Выдавливается паста,
Нищие духом плодятся,
И вот оно нищее царство.

Мир достаточно прочен.
Не прочно для мира место!
Меня окружают амёбы,
Что у них на уме – неизвестно.
Или я принят на равных?
Может, тоже кого-то сжираю,
Сижусь на чужом ложе,
На краденой лире играю?

Всё же я не оставлен,
И я никого не оставил.
Кровью исходят мои
К лире прибитые руки.
Тот, кто меня
В этой дивной игре наставил,
Радугу мне поставит,
Там, на речной излучке.

Ибо меня окружают
Фантомы бесчеловечья.
Воздух почти задушен

Бездушием жабьим.
А я ещё не забыл
Небесного просторечья,
И завывать не умею
На высоком наречье рабьем.

1988

«По вине человека – море преступно...»

По вине человека – море преступно.
По вине моря – человек слаб.
Вот он карабкается по уступам
Моллюск рогоносец, обнажённый краб.

Ему холодно, его продувает ветром.
Но он заставляет себя восхищаться и петь.
И плюёт в море чешую креветок,
Потому что морем пахнет смерть.

Бедный человек, романтическая головёшка,
Ты всё ещё коптишь на сыром ветру?
Твоё искусство – грязная ветошка.
Пой после меня, когда я умру.

Мы восходим на небом, море кажется каплей.
Но только попробуй спрятать его в карман!
Не спасут тебя щели, заткнутые паклей,
Всё равно приобщишься к рыбьим кормам.

А потом говорят, что море преступно,
Что оно желает в пучину увлечь.
Перед морем нелепо щеголять своим трупом.
Затыкай свою душу – опасная течь.

1988

«Они ещё танцуют...»

Они ещё танцуют,
Они ещё поют,
Как карты жизнь тасуют,
Вслепую раздают.

И всяк юлит, лукавит:
Нам всё, мол, ко двору,
А прав лишь тот, кто правит
И кто ведёт игру.

Играй, – себе дороже! —
Живи, как жизнью, сном,
И строй смешные рожи
Тому, кто за окном.

Тому, кто не играет,
Господь его прости,
Кто дом свой поджигает,
Чтоб целый мир спасти.

1988

«Он здесь не приживётся...»

Он здесь не приживётся,
Таёжный лебедь.
Он только посмеётся
На общий лепет.

Ему нужны озёра
Иных размеров.
Не вынесет позора
Средь уток серых.

Он, медленный и плавный,
Землёй недужен.
Душою своенравной
Лишь с небом дружен.

Бессмысленны усилия
Людской науки.
Он обломает крылья
Об ваши руки!

Таёжный лебедь нежный,
Дитя свободы,
Привык смотреть с надеждой
В лицо природы.

1987

«На срезах книги годовые кольца...»

На срезах книги годовые кольца,
А на обложке золотой металл, —
Как отзвук, отголосок колокольца,
Который в каждом сердце трепетал.

О, книга не запаханных просторов
И птицами не склёванных снегов!
Ямщицкой тройки непутёвый нор, —
Проклятье не оплаченных долгов.

По всем по трём гони, ямщик, не мешкай,
Заплачет драгоценный бубенец.
Но всё равно по строчкам ли, по вешкам,
Куда-нибудь приедешь, наконец.

Печным угаром иль запечным бесом
Пахнёт в лицо нам постоялый двор.
А эта Книга снова станет лесом,
Куда вовек не хаживал топор.

Ещё напишься на сосновых нарах,
Мертвецки пьяный и того пьяней,
Пока не спросит кто-то песен старых
И тройку застоявшихся коней.

1988

«Прислушиваюсь к снегу: он уходит...»

Е.М.Д.

Прислушиваюсь к снегу: он уходит,
Готовит новое и радостное мне.
Как только солнце небо распогодит,
В нём искрой весть промчится о весне.

И вспыхнет он и золотом прольётся
В овраги, словно в чаши бытия.
И жизнь опять отрадно засмеётся,
Запенится по самые края.

И воздух зазвенит, засеребрится,
Как в первый раз раскрытый настезь храм.
И роща к полдню разблаговестится
От куполов по самым облакам.

Цветенье хлынет так неотвратимо,
Что вся земля не уместит его!
И если все собрать дороги Рима —
Не разнести, не расплескать всего.

А быть ещё ночам – напевным, лунным,
Когда черёмухи таинственно шумят,
Объятые таким волненьем юным,
Что люди, умирая, жить хотят.

1993

«Ты сгораешь сердечком, свеча...»

Ты сгораешь сердечком, свеча,
Словно сердце любви горяча.
А в любви есть ли место расчётам?
Догоришь и не спросишь: а что там?
Лишь бы пламя, – а это не шалость! —
Дольше жизни твоей не кончалось.

2004

«До винограда дотянусь...»

До винограда дотянусь
До льдинок на ветру.
На горном воздухе проснусь,
А может быть, умру.

Как будто просветлевший взгляд
От набежавших слёз,
Мгновенно брызнет виноград
Избытком солнц и гроз.

На синем разветвленьи жил
Порвётся гроздьев нить.
Омоется грозью – жил.
Нальётся солнцем – жить.

1991

Обращённая юность

«Обращающийся, как пламя...»

Обращающийся, как пламя,
Словно маковые лепестки,
Этот меч стоит между нами,
Между двух берегов реки.

На моём берегу пустыня.
А на том, на твоём берегу,
Ты гуляешь ногами босыми
На цветущем весеннем лугу.

И как будто там те же сирени,
Те же птички звучат голоса.
И хоть я не люблю повторений,
Я готов повториться и сам.

Это вовсе не значит: присниться.
Просто нужно, пока я живу,
На зеркальной воде отразиться
И обнять тебя там наяву.

И опять запоёт многоструйность
Не исчезнувшей нашей любви.
И как меч, обращённая юность,
Нас оденет в соцветья свои.

2017

После солнца

Мне говорят: Валерий, успокойся!
Мне говорят, что смерть побеждена.
А я стою здесь, горше, чем пропойца,
Поскольку смерть пьяна и без вина.

Я свеч люблю церковных отраженьё
И за молитвой множество людей.
Но смерть царит в моём воображеньё
Над самой лучшей из людских идей.

Смерть победить! – Что может быть желанней?
Сердца утешить, слёзы отереть.
Нечеловеческое это упование
Даёт надежду нам не умереть.

Но как же? Где же? – Я блуждаю взглядом.
Свеча ещё горит, но мне темно.
Своей подруги я не вижу рядом.
И ночь со мною плачет заодно.

Мне кажется, я сам себе приснился.
Тем лучше для меня: иду вперёд.
И вдруг я слышу: Что ж ты усомнился?
И я тону в пучине грозных вод.

А может быть, за этой зыбкой гранью
И открывается всё то, что взаперти,
Где места нет земному воздыханью,
Но лишь любовь и истина пути?
Но как же быть тому, кто не смирится?
Над пеплом выть и щепки собирать,
Чтоб с тем, кого любил, соединиться?
Сгореть? Или остаться и роптать?

Роптать на то, что всё вокруг ничтожно.
И на Того, кто дал ей всё стерпеть.
Но отчего же всё так непреложно
Вновь возрождается, чтоб снова умереть?

«Над совсем баснословной деревней...»

Над совсем баснословной деревней,
Над чертой городского огня,
Словно ужас великий и древний,
Этот звук поражает меня.

Чем морознее ночь, – тем слышнее
Колоколится он в небесах.
И чем ярче луна, – тем страшнее
Отзовется он в чёрных лесах.

Оботрёт кто-то слюни ладонью,
Свои мысли с трудом шевеля,
И невнятно бормочет спросонья:
Это стонет старушка-земля!

Кто-то вспомнит нечистого духа,
Неприкаянных душ хоровод.
Ну, а тот, кто услышит вполуха,
Дополнительно ключ повернёт.

То он мается там, по просёлкам,
То ворвётся в иные края.
Это мечется войлоком, волком
Неизбывная горесть моя.
Не хотел говорить, но не скрою.
Пишем снегом, латаем золой:
Многоликое горе людское
Поднимает свой крик над землёй.

Но своё безразличье удвоив,
Чтобы страх хоть немного унять,
Этот крик, что становится воем,
Мы стараемся просто проспать.

2017

«Сравню тебя с вишнёвым деревом...»

Сравню тебя с вишнёвым деревом,
Когда оно во всём цвету
Плывёт со стороны подветренной
В синеющую высоту.

Могу ли видеть без волнения
И узнавать тебя в дали,
Что ты, вся как в снегу овеейна,
Но не уходишь от земли!

Ты, как глоток морского выдоха
На вдохе и подъёме ввысь.
Из смерти нет иного выхода,
Но лишь опять вдохнувши жизнь.

Живи, шуми блаженным облаком!
И ягоды в конце пути
Пусть вспыхнут перед смертным мороком,
Чтобы прозреть и перейти —

По тем мосткам, что переброшены
Над речкой, где купален ряд.
И словно светом прополощенный,
Вновь забелеет твой наряд.

2017

«Руки в закате совсем багровы...»

Руки в закате совсем багровы.
В разорванном небе золотые покровы.

Укрой меня, Мать, сокрой меня, Отче.
В старческом золоте вены и прочее.

Кровь моя в золоте, в кисти фламандца.
Ночь не страшит наведением глянца:

Вечно шершавы руки в закате,
В рытвинах неба, в облачном злате.

Я вас люблю, о закатные руки.
За отблеском моря – запястий излуки.

Ничем не владели, сияли в Фаворе.
За отблеском неба – раскатное море.

В зареве крови – искры покоя.
Море, как небо – лишь чувство такое.

1990

Серёжка

В эту весну превзошёл самого себя
Юный настройщик
Лесных ручьёв!

1980

Портреты с выставки литературно-критические статьи

Доброе напутствие

По дороге, вымощенной жёлтым кирпичом, идёт примечательная компания.

Это – девочка Элли, Страшила, Железный Дровосек и Трусливый Лев, совсем недавно удостоившийся носить титул Храброго и Отважного.

А ещё – Тотошка, забавная и весёлая собачка.

Они идут и о чём-то разговаривают. Да-да, и Тотошка тоже! На Жёлтой Кирпичной Дороге так хорошо разговаривается!

Давайте же незаметно присоединимся к ним и послушаем, о чём у них разговор.

– Так ты говоришь, Страшила, что теперь, когда Волшебник Изумрудного Города вставил тебе мозги, ты знаешь всё?

– Нет, всего ещё не знаю. Пока нет привычки знать всё. А про что ты хотел спросить?

– Да я вот всё думаю, кто тот человек, который рассказал про нас так увлекательно. Наверное, он невероятно храбрый и отважный, почти такой, как я.

– Насколько я знаю, он невероятно умён, как я.

Элли дёрнула Страшилу за соломенную руку, а Льву покивала пальчиком:

– Как не стыдно! Не успели отойти от Изумрудного Города, как вы уже хвастаетесь.

Лев приложил лапу к сердцу, Страшила ещё больше вытарашил глаза, – так он хотел показать Элли, что виноват и раскаивается.

Железный Дровосек, который до этого молчал, вдруг словно очнулся и заявил громко-гласно:

– Друзья мои, я больше могу сказать об этом человеке. У него очень доброе сердце.

– Как у тебя? – спросила Элли.

– Да, как у меня, – отвечал Железный Дровосек и тут же спохватился.

– Ой, кажется, я хвастаюсь!

Все засмеялись, уж очень потешно получилось у него это восклицание.

Путники развеселились и Жёлтая Кирпичная Дорога показалась им ещё приятней. Тем более, что шли они навстречу встающему солнцу.

– Элли – храбрее всех! – провозгласил Лев.

– И умнее! – прошуршал соломенной головой Страшила.

– И добрее! – простучал железом лица Дровосек.

Элли махала руками, протестовала, но всё было бесполезно.

Тогда она сделала вот что. Она поблагодарила своих друзей за такое к ней отношение, но при этом сказала:

– А вот мы сейчас узнаем, о ком вы говорите! Судите сами, кто добр, храбр и умён.

Ты, Страшила, теперь уже знаешь, что такое география.

– Ге-о-гра-фи-я! – с удовольствием повторил Страшила.

– Так вот, на географической карте России ты легко можешь найти предгорья Южного Алтая. Там, на берегу быстрого Иртыша стоит город Усть-Каменогорск.

– Как ты интересно рассказываешь! – восхитился Мудрый Страшила. – Сразу видно, все уроки назубок выучила.

– Страшила, если ты хочешь быть по-настоящему умным, никогда не перебивай без причины говорящего. Но слушайте дальше. Вот в этом городе, в солдатской семье родился в 1891

году мальчик, которого тогда звали просто Саша. Он очень рано научился читать и на всю жизнь полюбил книги.

– Прямо как ты! – опять не удержался Страшила.

Тотошка запрыгал вокруг него, Железный Дровосек недовольно заскрипел, Лев довольно внушительно прорычал. Честно говоря, ему было приятно при любом удобном случае порычать немного, – слишком уж долго он умел только мяукать.

Элли успокоила всех и продолжала:

– Сыну солдата, вчерашнего крестьянина, трудно было учиться на гроши. Однако он преодолел всё. В конце концов он сам стал учителем, и тогда его уже называли полным именем: Александр Мелентьевич Волков. Много лет он учил детей, а потом и студентов математики. Математику он любил больше всего на свете, ну, кроме книг, разумеется. В детстве мама рассказывала ему много сказок. Постепенно ему и самому захотелось научиться так же складно рассказывать что-нибудь интересное. Как сам он любил потом повторять, – «Счастье мне помогло, конечно, но ведь ещё Суворов говорил: «Помилуй Бог, всё счастье да счастье, а где же уменье?» Вот он и стал бороться за это своё «уменье» и, как видите, добился успеха. Он стал уважаемым писателем, оставаясь при этом замечательным педагогом.

Однажды ему случайно попала книжка на английском языке «Мудрец Изумрудного Города». Вы, конечно, все её хорошо знаете. Её написал американский писатель Фрэнк Баум. Книжка так понравилась Александру Мелентьевичу, что он стал пересказывать её своим детям. Ведь это была сказка. Но сказку не перескажешь дважды на один лад, обязательно получится что-то новое.

Но понемногу это новое стало таким значительным, что рассказчик решил поделиться всем этим богатством не только со своими детьми, но и со всеми, кто захочет узнать о приключениях на Жёлтой Кирпичной Дороге. Потом, когда он познакомился с художником Леонидом Владимировским, появились и мы в том виде, в каком теперь нас знают и любят читатели.

– Я получился у художника самым симпатичным! – не без торжества похлопал себя по соломенным щекам Страшила, повода не без лукавства кругами своих глаз.

– Зато я – самым надёжным! – подхватил Железный Дровосек.

– А по мне, так храбрость лучше всего для льва, – прорычал Трусливый Лев.

– Но уж мне-то повезло больше всех! – сказал Тотошка. – Ведь именно этот сказочник научил меня говорить. Тяф-тяф!

– Да разве только в этом отличие? – воскликнула Элли. – В той, американской сказке, и девочку зовут по-другому. Но самое главное, что в Изумрудном Городе мы познакомились не с мудрецом, который к тому же и мудрецом-то не был, а с настоящим волшебником. С настоящим волшебством никакая мудрость не сравнится.

– Да, это верно, – задумчиво проговорил Страшила, пошевелив иголками своей мозговитой головы. – Мудрец, может быть, всё математически точно бы рассчитал, а мозгов бы таких мне не придумал. А то и того хуже, может, со всей-то своей мудростью он бы не счёл меня достойным такого подарка. Я же никогда ничему не учился.

– Боже мой! – скрипнул всеми суставами Железный Дровосек. – Страшно подумать, если б Изумрудным Городом правил Мудрец, а не Волшебник. Мудрость, скорее всего, привела бы его к умозаключению, что мне полагается только железное сердце, и никакое другое! Как я счастлив теперь своим мягким сердцем. Про меня даже можно сказать, что я мягкосердечный! И я могу чувствовать и любить. А железное сердце только бы ожесточило меня и больше ничего. Слишком много железа!

Лев вспомнил, как он боялся даже своей тени и с ещё более глубокой благодарностью прорычал славу тому, кто так хорошо пересказал сказку знаменитого Фрэнка Баума, которая, впрочем, хороша на свой лад. Собственно говоря, всё это в традициях сказки: так со сказками поступали целые народы, пересказывая и приспособляя их для себя.

– Но постой, Элли, – призадумался Страшила, – это что же получается, сказка-то всё равно иностранная. Даже для меня, а не только для Льва и Железного Дровосека. Где, ты говоришь, находится твой Канзас? И что это значит: Канзас? Что об этом говорит география?

– Вот-вот, такие разговоры и мне частенько приходится слышать. А сказка эта наша, надо лишь так думать нам всем вместе, и всё будет так, как мы захотим. А Канзас, это значит, где-то там, на западе. То есть далеко отсюда.

Неожиданно на повороте Жёлтой Кирпичной Дороги они увидели дядю Чарли Блека, сидящего на круглом камне. Давняя его привычка, – как, бывало, сойдёт на берег, любил он присесть на камень, чтобы отдохнуть от морской качки. Дядя Чарли курил свою замечательную трубку, старый морской волк!

– О чём разговор? – сразу вмешался он. – Слышно вас аж издалека, так горячо вы разговорились.

– Да вот мы тут заспорили, – отвечала Элли, – история, которую про нас рассказал Александр Мелентьевич Волков, наша или иностранная?

Дядя Чарли Блек внушительно пыхнул трубкой и потёр здоровое колено.

– Какая ещё иностранная? – топнул он своей деревяшкой. – Вы на каком языке говорите, на нашем? Значит, и сказка наша. Это так же верно, как то, что моя левая нога никогда не промокает!

И старый плут расхохотался.

– А про этого Александра Мелентьевича я знаю не меньше тебя, Элли, и это несмотря на все твои учёные книжки. Я моряк, как ты знаешь, на печи не сидел, реки-океаны, все, какие возможно прошёл. Повидал многие страны, знал многих служивых людей. Довелось мне познакомиться и с отцом нашего правдивого рассказчика. Это когда я по Иртышу крейсеровал. Хороший был человек, честный солдат Мелентий Волков. Вон какого достойного сына вырастил и выучил, а ведь был далеко не богат, но и гроша не пустил по ветру. Самого Александра Мелентьевича я уж узнал позже, но не лично, конечно, а через родную литературу. Он написал несколько повестей, почерпнутых из истории российской. Нет спору, наша-то сказка главный его труд. Но другие его книжки я тоже прочёл с удовольствием. А что, между вахтами, так сказать, от одной склянки до другой хорошо читается. Даже если сильно устанешь, – было б только интересно. Вот у него есть повесть «Два брата». Она рассказывает ну просто с захватывающим интересом о талантливых людях, будь то солдат, купец или мастеровой, или даже сам царь, которые своими открытиями и беззаветным трудом совершали великие перемены в жизни обновляющейся России. Недаром же эту эпоху неизменно называют Великой, как и самого её творца, – Петра Первого.

Любопытна и повесть, которая называется «Зодчие». Она о тех, кто возводил на Руси великолепные соборы. Этими храмами невозможно не любоваться, но ещё более невозможно не гордиться людьми, что создали их. Эти-то люди и есть главные герои по мнению автора, о них он и рассказывает. Очень живая книжка и посвящена она далеко не простым событиям времён царствования Ивана Грозного.

Писались эти повести в трудные для нашей Родины годы и, понятное дело, несут отпечаток своего времени, как в хорошем смысле, так и в плохом. Хорошо, что рассказчик не скован в своих предпочтениях и с таким воодушевлением прославляет в человеке стремление к знаниям, неутолимую жажду мастерства.

Однако, храмы, например, воспеваются у него только лишь как архитектурные сооружения, духовное же их назначение как-то обходится стороной, поскольку было официально принято это замалчивать и отрицать. Спрашивается, зачем же тогда с такой душой строили их наши предки, зачем так старались? Не ради же одного внешнего украшения?

Но как бы то ни было, интерес рассказа, говорю я, всё выдерживает.

А сколько старинных слов и выражений узнаёшь из этих книг! Некоторыми из них и сегодня бы не надо брезговать, – весьма украшают язык русский. И всё же одну поправку для тебя Элли и для тебя, Страшила, – ты ведь всё ещё хочешь учиться? – одну маленькую историческую поправку к повести «Зодчие» я должен сделать. Кто знает, что такое Москва? Элли, молчи!

Лев насторожил уши, но ничего не смог припомнить подходящего под такое название.

Железный Дровосек, медленно вздохнув, сказал неуверенно:

– Корабль, на котором ты ходил по морям и океанам.

– Мимо! – весело парировал Чарли Блек.

Голова Страшилы напряжённо шевелила мозговыми иглками и отрубями. Видно было его великое желание догадаться без подсказки. От перенапряжения он стал болтать про всё подряд, что приходило на ум. Но его невнятицу никто не мог разобрать. И вдруг он сказал:

– Город!

– Вот молодец! – похвалил старый моряк. – Как ты догадался, после расскажешь. А пока я скажу за тебя, что это не только город, но и столица нашей России. Может быть, вы ещё не знаете, но посередине нашей столицы находится большая площадь, которую за красоту ещё в древности прозвали Красной. Да, Красная Площадь, так называется это место. И вот аккурат на этом самом месте стоит прекраснейший в мире храм, собор Покрова Пресвятой Богородицы, а по-народному – Собор Василия Блаженного, называющийся так в честь одного местного юродивого и пророка. Юродивый – это такой особенный человек, который, к примеру, даже зимой ходит босиком.

Но вот к чему я веду.

По всем учебникам до сих пор считалось, что храм этот построили два великих архитектора – легендарные зодчие Барма и Постник. И вот недавно исследователь старины и всяких её загадок по имени Андрей И решил присмотреться к этой легенде. Такой уж он, видать, любопытный, в точности, как и его любопытная фамилия всего из одной буквы состоящая. Не сам по себе он, конечно, а со своей командой энтузиастов исследовал этот вопрос и пришёл к выводу, что Барма и Постник – одно лицо, один человек. Удивительно, но в Ипатьевской летописи, казалось бы, столь известной, ему удалось прочесть, что, мол, строил храм Иван Яковлевич Барма, а дальше идёт выражение, которое по-старославянски читается так: «по реклу Постник». А ведь это означает: «по прозвищу Постник». То есть имя этого зодчего было: Иван Яковлевич Барма по прозвищу Постник. Правильной жизни, видно, был человек, за то и прозвали так!

Приходится признать, что в своей повести «Зодчие» Александр Мелентьевич придерживается ещё старых сведений. Не мог же он сам догадаться, что не было по отдельности Бармы и Постника, раз все учебники убеждали именно в том, что это были два разных строителя.

Многие войны, как справедливо пишет автор, пощадили это чудо русской архитектуры и духовности. Но о самом ужасном он не мог рассказать в те годы. Злые люди, захватившие власть в нашей стране, захотели взорвать этот памятник старины, более того, можно сказать, сердце Древней Москвы. И что же! Нашёлся своего рода герой, – архитектор Барановский Пётр Дмитриевич. Он заперся внутри храма и сказал: «Взрывайте вместе со мной!» Редчайший случай, но злодеи отступили.

– Ваш ум острее моего, дядя Чарли! Наверное, вы учились на одни пятёрки! – восхитился Страшила.

– Подумаешь, пятёрки! С моё поживёшь, хлеба пожуёшь и не то наживёшь! – отвечал довольный морской волк. – Ну что, идём в Канзас? Клянусь акулой, вперёд, на запад! – командовал Чарли Блек.

Через минуту вся компания продолжала идти навстречу восходящему солнцу. В который уж раз приходится Льву, Железному Дровосеку и Страшילה провожать Элли и Чарли Блека

домой. Но по дороге из жёлтого кирпича так приятно идти, что каждый раз они делают это всё с той же охотой и радостью. Ведь всё равно Элли вернётся, когда это потребуется!

Вдруг Страшила всплеснул руками. Круги его разнокалиберных глаз были полны ужаса и оттого один глаз казался ещё больше другого.

– Но ведь мы идём туда, где солнце восходит! Как же ты попадёшь к себе домой, на запад?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.